

комъ, по чтобы только осталась такая сцена. Поэтому что эту маленькую сцену, вот такъ, могъ дать только талантъ.

И въ дальнѣйшемъ шли такъ въ перемежку сцены испорченныя, прежде всего — искусственностью, какимъ-то модничаньемъ на сценѣ, какимъ-то, простите грубость слова, — вывертомъ модернизма, и сцены отличныя, спасаемыя посредственнымъ талантомъ, художественнымъ благородствомъ и поэтичностью г-жи Юреновой. Даже не сцены, потому что не было ни одной выдержанной въ дуршомъ или хорошемъ, — а кусочки сценъ, обрывочки. Была во всякомъ случаѣ, передана и сообщилась въ зрительную залу громадная мучительная тревога Бронки, потомъ отчаяніе, которое въ развязкѣ пьесы толкаетъ Бронку вмѣстѣ съ Казимиромъ въ смерть.

Смѣю, наконецъ, думать, что недостатки г-жи Юреновой, какъ они ни непріятны, какъ ни злили въ спектаклѣ, — все-таки только наносныя. Но ихъ легко смыть съ исполненія. Мнѣ какъ-то довелось случайно видѣть г-жу Юрлену въ Одессѣ, когда она играла тамъ съ г. Качаловымъ въ «Вратахъ царства». Роль исполнялась, вѣроятно, на спѣхъ, и въ этой роли — я сейчасъ не говорю, хорошо или плохо играла Эвелину артистка, — не было замѣтно многихъ изъ недостатковъ, такъ обидѣвшихъ на первой встрѣчѣ въ незлобинскомъ театрѣ.

Если бы я былъ руководителемъ театра и составителемъ репертуара, я непременно выбралъ бы для г-жи Юрленой не Шибышевскаго, который и самъ грѣшенъ мудрствованіями и фальшью, а что-нибудь лучезарно-ясное, чистое, простое, что силою своей чистоты и простоты заставило бы г-жу Юрлену стать простой и чистой отъ этихъ плаковъ сценическаго искусства.

Спектакль познакомилъ еще съ г-жей Шиловской и г. Рудницкимъ. Я думаю, что тутъ, по крайней мѣрѣ, — относительно г. Рудницкаго, театръ поступилъ и жестоко, и нерасчетливо. Ну какъ же можно актера, на которомъ собираешься строить чуть не сезонъ, въ которомъ видишь одинъ изъ своихъ оплотовъ, — такъ нерасчетливо топить въ глазахъ публики, да еще въ первое знакомство? Въдъ публика не ограничится тѣмъ, что скажетъ: г. Рудницкій — очень неудачный Тадеушъ, не сумѣлъ показать въ немъ никакую живую душу, только деревянный футляръ Тадеуша», — публика въ своей быстротѣ на обобщенія скажетъ больше, отниметъ у актера свое вниманіе. И, можетъ быть, будетъ глубоко неправъ.

Зачѣмъ же искушать ее съ такою невыгодою и для самаго театра и для его новаго актера? А если (это часто бываетъ), самъ актеръ выбралъ Тадеуша для перваго знакомства съ Москвою, я бы насильно заставилъ его отъ такого выбора отказаться, доказавъ бы ему, что онъ становится на скользкую дорогу, роетъ самому себѣ яму. Желая г. Рудницкому поскорѣе поправить ошибку, свою или театра — не знаю, и найти случай оправдаться передъ зрителемъ.

Старый другъ.